

СОЦИАЛЬНЫЕ, КУЛЬТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ

SOCIAL, CULTURAL RESEARCHES AND SECURITY

УДК 316.4

ПЕРЕОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ В МОРАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ И СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Т.В. Шипунова

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: shtatspb@yandex.ru*

DOI: 10.14258/ssi(2021)3-08

Автор связывает дальнейшее изучение проблем социальной безопасности населения с необходимостью переопределения преступности. Рассматривается трансформация представлений о преступности и обращение современных исследователей к идее ее осмысления в моральном дискурсе. Автор поддерживает и развивает тезис о необходимости использования понятия «этический минимум», который должен применяться при оценке деятельности основных субъектов социальной безопасности. В качестве критерия оценки рассматривается нарушение принципа социальной справедливости в его инструментальном значении. Социально справедливыми будут те нормы, законы, мероприятия, реализованные различными субъектами социальной безопасности, которые поддерживают основы достойной жизни людей в обществе. При игнорировании данного принципа возникают «серые зоны» социальной безопасности, в которых имеются повышенные риски нарушения «этического минимума». Нарушения «этического минимума» в «серых

зонах», в отличие от уголовно-правового преступления, имеет право получить независимую общественную оценку с опорой на методологию изучения социальной ответственности всех агентов, значимых для обеспечения защищенности населения в условиях повышенных рисков.

Ключевые слова: *переопределение преступности, социальная безопасность, этический минимум, социальная справедливость, серые зоны безопасности, социальная ответственность*

RE-DEFINING CRIME IN MORAL DISCOURSE AND SOCIAL SECURITY

T.V. Shipunova

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, e-mail: shtatspb@yandex.ru

The author connects further study of the problems of social security with the need to redefine crime. The article deals with the transformation of ideas about crime and the appeal of modern researchers to the idea of understanding it in moral discourse. The author supports and develops further the thesis about the need to use the concept of «ethical minimum», which should be used in assessing the activities of the main subjects of social security. Violation of the principle of social justice in its instrumental meaning is considered as the main criterion for assessment. Those norms, laws, measures implemented by various subjects of social security that support the foundations of a decent life for people in society will be socially just. If this principle is ignored, “gray zones” of social security arise, in which there are increased risks of violation of the “ethical minimum”. The article also discusses the issue of separating such violations from completely understandable and explainable errors and management deficiencies that are difficult to avoid in situations of increased risks. Violations of the “ethical minimum” in the “gray zones” of social security, in contrast to a criminal offense, should receive an independent public assessment based on the methodology for studying the social responsibility of all agents important for ensuring the protection of the population.

Keywords: *redefinition of crime, social security, ethical minimum, social justice, gray safety zones, social responsibility*

Современное общество воспринимает как само собой разумеющийся факт государственную монополию на определение содержания и объема понятия «преступность». Обусловлено это тем, что существует негласная договоренность между обществом и государством на обеспечение общественной и/или социальной безопасности, в которой государству отводится главная роль. Однако такое положение дел существовало не всегда, и далеко не все исследователи одобряют монопольное право государства на разработку и введение свода уголовных запретов. Особенно актуально их рассуждения звучат в условиях повышенной угрозы социальной

безопасности населения, поскольку в таких ситуациях определение преступности перестает быть чисто правовым занятием. В условиях социальной нестабильности общество становится очень чувствительным к определению понятия преступности, ибо сталкивается с необходимостью переосмысления и/или обновленного восприятия фундаментальных этических проблем, так или иначе ассоциированных с уголовно-правовыми нормами и мерами в отношении нарушителей этих норм. В статье представлена трансформация представлений о преступности, а также показана актуальность новых подходов к пониманию феномена в условиях неопределенности и далеко не оптимистических прогнозов в отношении социальной безопасности населения разных стран в ближайшем будущем.

Трансформация представлений о преступности: краткая история вопроса

В ранних философско-этических учениях (Аристотель, Зенон, Сократ, Фома Аквинский и др.) прослеживается идея верховенства морали над законом. Например, сторонники стоицизма считали, что достойный человек может участвовать в общественной жизни реального государства, если только это не вынуждает к безнравственным поступкам (Нерсисянц, 1984: 23-61; Гусейнов, Ирритц, 1987). Все поступки и явления, приносящие вред социуму, будь то нарушение закона или ложь, жадность, недружелюбие к окружающим, рассматривались как равноправные с точки зрения проявления зла («не должного»). В такой ситуации, вкуче с неразвитостью государственности и правовой системы с разветвленным репрессивным аппаратом, нарушение неофициальных норм было иногда даже более серьезным проступком, чем нарушение официальных установлений.

Эпоха Просвещения знаменуется принятием концепции общественного договора, согласно которой люди добровольно отказываются от части естественных прав в пользу государственной власти. В ответ государство принимает на себя обязательства по охране собственности и безопасности граждан. В этот период политическая мысль опиралась на понятие естественного права, которое в XVII–XVIII вв. становится базой для формирования буржуазного права (Иванов, Ильина, 1991). Его особенность состоит в том, что представления о «естественных» нормах человеческого общежития становятся официальными, а взаимодействия между индивидами приобретают характер опосредованных. Постепенно к нормам естественного права добавлялись нормы позитивного права, продиктованные не столько интересами общества в целом, сколько интересами власть имущих. С течением времени данная группа норм становится наиболее влиятельной при формировании уголовно-правовой политики и уголовных кодексов.

Развитие капитализма повлекло за собой множество негативных последствий, в том числе рост (уличной) преступности среди наиболее обездоленных членов общества. На этой волне преступность становится темой выступлений политиков и включается в повседневные коммуникации. Данное обстоятельство привело к укреплению юридического направления в изучении преступности и ослаблению философско-этического подхода, вследствие чего последовала институционализация науки уголовного права (предшественницы криминологии), цель которой была задана государством, финансирующим ее исследования и определяющим предмет

изучения, сохранившимся почти в неизменном виде до сегодняшнего дня. В него включают: «насилие над личностью; незаконное завладение имуществом; обман, в том числе подлог; незаконное использование служебного положения; нарушение технических и иных правил» (Кудрявцев, 2002: 165). Изучение других видов негативных явлений стало носить второстепенный характер, что еще больше усилило расхождение права и криминологии с моралью с ее ориентиром на рассмотрение нравственных проблем, предвещающих оценку поступка/деятельности.

Ответом на данный недостаток стало зарождение социологического направления в криминологии. Постепенно его сторонники изменили и расширили предмет исследования настолько, что он стал выходить за рамки юридических наук за счет привлечения понятий и тематики из других дисциплин. В противоположность классической криминологии, сторонники социологической парадигмы призывают применять признак «общественная опасность преступления» исключительно к крайним формам девиаций (Сатерленд, 1966: 58), к которым можно отнести лишь нарушения атрибутивных (первичных) социальных норм¹, создающих предпосылки и условия для существования социума. В связи с этим представители критической криминологии акцентируют внимание на негативных сторонах конструирования преступного, недостатках уголовного права и государственного социального контроля (см., напр.: Sack, 1994; Hess, Scheerer, 1997). Одним из тезисов школы стало положение о необходимости придерживаться некоего «этического (морального) минимума», который ориентирует на существенное ограничение монопольного права государства криминализировать или декриминализировать те или иные деяния. «Этический минимум» должен складываться из нравов и обычаев общества, ограниченных изменяющимися пространственными и правовыми рамками (Merger, 1995: 21), и неукоснительно распространяться на все слои населения. Основное содержание «этического минимума» ориентирует право и другие институты на социальную интеграцию и развитие общества, т.е. на Добро в его моральном понимании. Таким образом предлагается выйти за рамки действующего уголовного законодательства и существующие практики социального контроля и рассматривать их в качестве производных общезначимых социальных закономерностей и моральных норм, что, в свою очередь, позволяет оценить уголовные нормы и практики с точки зрения общественной полезности не только для идеологов права и субъектов правоохранительной деятельности, но и для всех граждан.

В конце XX — нач. XXI в. во всем мире усилилась обеспокоенность общественности по поводу возросшей коррупции и сговоров между государствами и частными корпорациями, когда члены правительств или другие государственные служащие тесно сотрудничали с компаниями, защищающими частные интересы. Но даже в тех немногочисленных случаях, когда корпорации или их руководители подвергались наказанию за уголовные или другие нарушения норм права, данные

¹ Атрибутивные (или первичные) нормы неизменно встречаются у всех народов. Их универсальность обусловлена: сходством психофизиологических реакций людей; одинаковыми во всех первобытных общинах видами коллективной трудовой деятельности; аналогичностью витальных потребностей.

обстоятельства не влекли за собой стигматизацию и социальное исключение, как это происходило в случаях с рядовыми гражданами или мелкими фирмами (Ellis, Whyte, 2016). В связи с этим D. Ellis и D. Whyte обращают внимание на необходимость переопределения преступности. Исследователи ставят в центр внимания оценки населением значимость различных видов преступлений, совершенных «белыми воротничками», в сравнении с рядом различных «уличных» преступлений. Так, исследование, проведенное в Великобритании в 2016 г., касалось сравнительной оценки нескольких опасных преступлений, совершенных людьми, занимающими значимую позицию в институциональной власти и корпорациях/организациях. Были получены следующие результаты (Ellis, Whyte, 2016):

- 96% опрошенных сообщили, что они рассматривают полицейские манипуляции с доказательствами вины как преступление, равное краже в магазине или даже более серьезное деяние;
- 95% рассматривают сокрытие доказательств о налоговом мошенничестве со стороны инспекторов равным краже в магазине;
- 94% считают получение взятки министром правительства равным краже машины или даже более опасным деянием;
- 95% ответили, что они расценивают деятельность банков, сознательно обманывающих клиентов путем начислений за дополнительные услуги, более серьезным преступным деянием, чем манипуляции с похищенным товаром;
- 90% сообщили, что рассматривают манипулирование инвестиционных фирм ценами на акции как деяние, равное или более серьезное, чем манипуляции с похищенными товарами.

(По оценкам D. Ellis и D. Whyte, полученные данные сопоставимы с похожими исследованиями, проведенными в США).

Авторы не утверждают, что корпоративные преступники обязательно должны подвергаться длительным тюремным заключениям. Но они предлагают введение санкций за корпоративную и государственную преступность, которая определяется в качестве таковой на основе оценок общественности. Эти меры могут варьироваться от общественного порицания в виде антирекламы, например, в газете, до принудительной национализации или закрытия компании. В любом случае эти меры должны вести к общественному осуждению.

Результаты исследования показали также, что существуют серьезные расхождения в общественном восприятии коррупции в государственном и частном секторах и реальной практикой наказания в системе уголовного правосудия, которая должна базироваться на принципе социальной справедливости. Уголовное правосудие демонстрирует избирательность процесса определения проступков, что согласуется с более ранними наблюдениями М. Фуко (Фуко, 2018: 352). Если статус правонарушителя (лица или организации) относительно высок, то его действия имеют высокий шанс избежать криминализации. Таким образом, многие поступки и деятельность власть имущих не получают ни правовой, ни моральной оценки и остаются вне поля общественного обсуждения. Новое восприятие преступности с опорой на общественную оценку, исходящую из моральных норм и принципа со-

циальной справедливости, необходимо как для дальнейшего развития социологической теории преступности, так и для практики обеспечения общественной безопасности, особенно в той ее части, которая относится к социальной безопасности. С особой актуальностью эта тема, на наш взгляд, звучит в период кризисов и социальных катаклизмов, когда обостряются социальные конфликты и противоречия, а неблагополучие заставляет население быть крайне восприимчивым к нарушениям социальной справедливости.

Подтверждением тому служит и тот факт, что в повседневном общении люди зачастую используют слово «преступление» не в уголовно-правовом, а в моральном смысле. Об этом свидетельствуют и результаты некоторых исследований (см., напр., Дмитриева 2012: 70). Такая языковая практика не только передает оценку некоего деяния в качестве особо вредоносного, но и отражает этимологию слова и его трактовку в философии и этике. Практически в любом языке, включая русский, совершить преступление означает переступить некую черту, выйти за кон, обозначенный круг (правил, полномочий, власти, прав и т.д.) (Значение слова... 2021). В философском словаре это понятие имеет несколько значений: а) действие, которое не разрешено обществом (другими людьми); б) форма «деструктивной активности индивидов и групп, вносящая грубую дисбалансность в ситуации колеблющихся, неустойчивых равновесий»; в) понятие морального сознания, характеризующее проступок с точки зрения меры нарушения требования нравственности, попираания принятых обществом представлений о гуманности и справедливости (Что такое преступление... 2021). В последнем смысле термин используется и в этическом тезаурусе. В нем подчеркивается также, что такие действия «не могут быть ни в коей мере оправданы обстоятельствами и совершаются по аморальным мотивам» (Кон, 1981: 312).

Значение переосмысления преступности для социальной безопасности

В самом общем смысле слово «безопасность» описывает состояние спокойной уверенности и даже беспечности (Stuchtey, Baban, 2014: 51). «Обоснованное ожидание того, что исполнение желания или удовлетворение потребности возможно каждый день, может вызвать чувство безопасности и защищенности» (Glaessner, 2003: 15). Можно выделить разные сферы безопасности, в которых формируется это чувство: политическая, экономическая, социальная и т.д. Выделяя их, В.Н. Кузнецов подчеркивает, что социальной безопасности придается особое значение, поскольку этот «вид безопасности ориентирован на каждого человека: от момента рождения до ухода из жизни». Социальная безопасность охватывает не только меры по защите «целей, идеалов, ценностей и интересов человека, семьи, страны и народа в социальной сфере...» и т.д., но и «защищенность социальной сферы общества и государства от угроз, способных разрушить ее или обусловить ее деградацию» (Кузнецов, 2007: 160–161).

Причины исключительной важности всех видов безопасности отражаются в политических и экономических конstellациях последних двух десятилетий: частичной коммерциализации систем социального обеспечения, требованиях гибкой адаптации к изменяющимся условиям труда, прекаризации (ненадежности трудо-

вых отношений, которые в любой момент могут быть расторгнуты, и отсутствии гарантии занятости), закреплении за индивидами личной ответственности за использование жизненных шансов на фоне экономических кризисов, которые обесценивают накопления населения. Все это ввергает значительную часть населения в ощущение постоянной неопределенности (Legnaro, 2012: 48), которая интенсифицировалась в период пандемии, одновременно усилив потребность людей в мерах, способных обеспечить социальную безопасность.

Негативным следствием мероприятий¹, реализованных правительствами разных стран в надежде обеспечения защиты от пандемии, банкротами стали мелкие предприятия и фирмы, выросла безработица, произошло снижение уровня доходов и качества жизни населения. Так, на январь 2021 г. в России число официально зарегистрированных безработных составило 2,6 млн человек, к которым, как считают эксперты, нужно добавить еще 4,87 млн незарегистрированных безработных (В России подсчитали..., 2021), а за чертой бедности оказались почти 20 млн, т.е. 13,5% россиян (Минтруд назвал..., 2021). Результаты опросов населения в 2018–2020 гг. показывают, что «лишь порядка трети российских граждан считают свою защищенность достаточной» (Добролюбова и др., 2020: 79). Не лучше обстоит дело и за рубежом, где правительства также предпринимали строгие запретительные меры: в четвертом квартале 2020 г. уровень безработицы в Греции и Испании составил более 16%, в Италии — 9,1%, во Франции — 8,8% (Рейтинг стран Европы..., 2021). «Из-за пандемии коронавируса без работы остались более 20 млн американцев, а уровень бедности достиг 16,7%» (В США продолжает расти..., 2020). Более того, по прогнозу Feeding America, каждый шестой взрослый и каждый четвертый ребенок в США к концу уже этого года может стать жертвой «продовольственной нестабильности», т.е. не будет иметь ресурсов для пропитания (Голодный год..., 2020).

Однако мер, предпринятых в первую волну, оказалось недостаточно для победы над пандемией. Новый виток распространения коронавируса повлек за собой ужесточение контроля государства за ходом развития социальной ситуации и использованием шагов, которые неоднозначно воспринимаются в разных обществах (например, введение «необязательной» обязательной вакцинации, используемой в большинстве стран). Не вступая в дискуссию по поводу оценок принимаемых мер, попытаемся, в первом приближении и в теоретической плоскости, понять, что происходит в системах социальной безопасности разных обществ с реализацией социальной справедливости как идейного основания и фундаментальной нравственной ценности, и при чем здесь переосмысление преступности.

Считается, что востребованная обществом, надежная и эффективная система безопасности должна иметь такие необходимые характеристики, как «стабильность, справедливость, ответственность (государства, общества, цивилизации за человека, ответственность самого человека за свою жизнь, за Другого человека, за обще-

¹ Возможно, часть мероприятий была необходима, но возможно также и то, что в ходе их реализации могли произойти упущения (сознательные или неосознанные), которые можно было предусмотреть, опираясь на объективные факты и оценки экспертов.

ство, за государство, за цивилизацию), предотвращение, воля к компромиссу, к достижению стабильности и безопасности» (Кузнецов, 2007: 242). Ключевым словом здесь является «справедливость», а вернее «социальная справедливость», поскольку просто «справедливость» — это абстракция, которую невозможно использовать в практических целях. Социальная справедливость — это категория, позволяющая анализировать социальные поля. Корнями она уходит в мораль и этику, а они по своей сути социальны, причем этика развивается в деонтологической (гуманистической) перспективе. «Социальная справедливость — это мера общественной пользы (социальной адекватности) законов и других нормативных предписаний (официальных и неофициальных), устанавливающих и поддерживающих на основе соглашения такой порядок жизнедеятельности людей и организаций, физических и юридических лиц, который способствует выживанию и развитию социума, а также обеспечивает интеграцию и достойное существование членов общества» (Шипунова, 2012: 152). В этом определении четко обозначена цель, задающая ориентир на защиту человеческого потенциала, который есть по своей сути не только база, но и показатель прогрессивного развития (цивилизованного) социума. Указано также и средство их достижения — установление меры полезности (социальной адекватности) законов и других нормативных предписаний, которые регулируют деятельность различных социальных субъектов. Таким образом, предметом деятельности государства и прочих субъектов социальной безопасности, нацеленных на реализацию социальной справедливости, должно выступать нормативно-правовое и организационное обеспечение всех ее видов: в экономике и морали, в правовых и социально-политических отношениях, в сфере культуры и в социально-демографических вопросах, в медицине, образовании и т.д. (Шипунова, 2012: 146–157).

Несмотря на то что определить социальную адекватность норм и законов можно только на практике (*post factum*), социальную справедливость/несправедливость можно оценить еще до их принятия и введения. Социально справедливыми будут те нормы, законы, мероприятия, реализованные различными субъектами социальной безопасности (государство, организации, корпорации, объединения, союзы, отдельные политические и экономические игроки), которые поддерживают получение гражданами гарантированных государством прав и свобод, уровня и качества жизни, социальной защищенности, легальных видов деятельности, медицинского обслуживания и т.д. В ситуации реальных угроз могут возникнуть «серые зоны» социальной безопасности. Это те зоны, которые нельзя игнорировать полностью, не подорвав доверия населения к власти, но различные значимые социальные субъекты действуют в них таким образом, что серьезно нарушают принцип социальной справедливости. Это и есть основной признак того, что совершается преступление с точки зрения «этического минимума».

К «серым зонам» социальной безопасности, актуальным для всех стран в период пандемии, можно отнести: медицинское обслуживание; производство и обеспечение медицинскими препаратами (деятельность фармакологических компаний); производство и реализацию продуктов питания и других товаров первой необходимости; реализацию государственных гарантий в области социальной защиты

населения; деятельность банков и их кредитную политику; систему информационного обеспечения реализуемых мероприятий; состояние и действия правоохранительных органов; функционирование органов власти и чиновников, управляющих распределением ресурсов, и т.д. Поскольку деятельность организаций и индивидов в этих сферах крайне востребована, а общество находится в состоянии, близком к аномии, то эти организации и индивиды получают избыточную и слабо контролируемую власть, определяемую дефицитом разного рода ресурсов. Как следствие, у них появляется много соблазнов и подходящих ситуаций для нарушения моральных норм ради личной выгоды.

За нарушения социальной справедливости в данных сферах уголовная ответственность может не следовать, но это не отменяет возможность оценивания таких действий с позиций «этического минимума» и принципа социальной справедливости. Объективным показателем при этом будет выступать ухудшение положения населения (не просто временное, а имеющее тенденцию к перерастанию в хроническое) и негативная оценка ситуации гражданами. Все это в своей совокупности разрушает социальный порядок и трансформирует представления о социальной безопасности населения. Возможно, поэтому часть населения высказывает мнение, что за пандемией, локдаунами и прививочными кампаниями стоят серьезные политические и экономические игроки, заботящиеся прежде всего о своей выгоде. Подталкивают к этой мысли и данные, свидетельствующие о том, что в период кризиса и обнищания большей части населения разных стран их богатая часть стала еще богаче. Так, в США уже к октябрю 2020 г. состояние самых богатых американцев достигло 3 трлн 880 млрд долларов, увеличившись на 931 млрд по сравнению с мартом того же года (Пропась между богатыми ..., 2021). Что касается России, то в 2020 г. в руках 1% самой богатой части россиян было сосредоточено 57% общего финансового благосостояния в стране. «Менее 0,0001% взрослого населения в России — около 500 «сверхбогатых» граждан — владеют 40% всех финансовых активов россиян, или суммой \$640 млрд» (Ткачѳв, Котченко, 2021).

Может возникнуть вопрос: как определить, что действия агентов социальной безопасности, нарушающие социальную справедливость, — это не просто ошибка/просчет/недостатки управления, а те действия, которые должны получить оценку с позиций «этического минимума»? Особенно если учитывать, что откровенный антисоциальный умысел этих действий невозможно доказать.

Проблема соотношения субъективного намерения и объективного результата поступка/действий не нова для морали и этики. Разные подходы к ее решению можно найти в трудах великих философов (Демокрит, Аристотель, Платон, Т. Гоббс, Дж. Локк, Б. Спиноза и др.). Одни отстаивали точку зрения, что главное при оценке — следование нравственным законам (И. Кант), другие отдавали предпочтение объективному критерию — оценке по делам (напр., Г. Гегель). Проанализировав разные точки зрения, Р.М. Айдинян предлагает собственную концепцию, которая в полном объеме позволяет ответить на поставленный выше вопрос. Автор пишет, что при анализе социально вредных (объективно выявленных/установленных) последствий поступка/деятельности следует рассматривать три части: 1) «те элементы

или стороны последствий, которые человек признает за свое дело и за которые согласен нести ответственность», 2) те стороны результатов, которые «выпали» из поля зрения человека, «однако они находятся в пределах разрешающей способности сознания нормального „среднестатистического“ человека» и, следовательно, «должны были быть предусмотрены им при более разумном и серьезном отношении к делу», 3) те стороны, «которые не только не входили в намерения субъекта, но которые он и объективно не мог предвидеть в силу ограниченных возможностей человеческого сознания» (Айдинян, 2008: 74–75). Понятно, что при оценке деяний с точки зрения «этического минимума» интерес представляет второй случай, независимо от того, сделаны эти «упущения» случайно/неосознанно или намеренно/осознанно (исходя из собственной выгоды). Деятельность по реализации социальной безопасности чаще всего сопровождается замерами промежуточных результатов, оценками независимых экспертов и общественности, которые можно использовать для коррекции стратегий и тактик. Если эти мнения и результаты мониторинга не используются, то можно говорить о пренебрежении фактами и интересами населения/общества, влекущем за собой нарушение принципа социальной справедливости.

Одним из важнейших инструментов оценки действий/деятельности нарушителей мог бы стать их анализ с позиций социальной ответственности. В широком смысле она понимается как совокупность требований, «предъявляемых обществом к тем или иным социальным институтам, организациям, группам граждан или индивидам», а также осознание ими своей социальной миссии и необходимости соответствовать этим требованиям. В узком же смысле социальная ответственность включает в себя выполнение «прямых обязанностей по реализации конкретных мероприятий экономического, правового и организационного характера, направленных на удовлетворение насущных потребностей различных групп населения» (Шулус, Попова, 2008: 47). Нарушение принципа социальной справедливости будет указывать на низкую социальную ответственность, а действия/деятельность социальных субъектов должны получить оценку с позиций морали. Реакцией общества могут быть как те меры, которые предложили D. Ellis и D. Whyte, так и более серьезные ответы.

Выводы

Подводя итоги, следует сказать, что проблемы, связанные с обустройством общества в условиях кризисов, и негативные явления в социальной сфере стали проявляться уже в начале нового века. В связи с этим исследователи уделяют больше внимания понятию социальной справедливости и поиску возможностей влияния на злоупотребления власти и экономической элиты посредством переосмысления других понятий. Пандемия интенсифицировала негативные явления и обусловила востребованность исследований в области социальных отношений, в том числе отношений населения и субъектов безопасности, призванных обеспечить гражданам защищенность. Не все решения и мероприятия этих агентов могут соответствовать принципу социальной справедливости, даже если имеются соответствующие правовые нормы. Обсуждение данной темы важно потому, что оно способствует ро-

сту самосознания населения, повышению его чувства самоуважения, становлению и укреплению гражданской позиции. Кроме того, анализ поднятых в статье вопросов может послужить импульсом для совершенствования законодательств в разных странах и признанию права населения на открытое обсуждение законодательных инициатив, касающихся жизнедеятельности и социальной безопасности граждан, наравне с другими значимыми социальными субъектами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Айдинян Р.М. Трактат о счастье. СПб.: Алетейя, 2008.

В России подсчитали безработных. URL: <https://lenta.ru/news/2021/01/21/bezrabort/> (дата обращения: 21.01.2021).

В США продолжает расти уровень бедности. URL: <https://finance.rambler.ru/markets/45032175-v-ssha-prodolzhaet-rasti-uroven-bednosti/> (дата обращения: 11.06.2021).

Голодный год: в США фиксируют рост числа жителей без денег на еду. URL: <https://iz.ru/1106083/kirill-senin/golodnyi-god-v-ssha-fiksiruiut-rost-chisla-zhitelei-bez-deneg-na-edu> (дата обращения: 11.06.2021).

Гусейнов А.А., Иррлитц Г. Краткая история этики. М.: Мысль, 1987.

Дмитриева Н.М. Об изменении этической нагрузки слов «Преступление» и «Наказание» в сознании носителей русского языка. Вестник Оренбургского гос. ун-та, 2012, 11(147), 66–70.

Добролюбова Е.И., Южаков В.Н., Покида А.Н., Зыбуновская Н.В. Как и почему граждане оценивают свою защищенность от контролируемых государством рисков. Социологические исследования, 2020, No. 7, 70–81.

Значение слова ПРЕСТУПАТЬ в Словаре Даля. URL: <https://slovar.cc/rus/dal/570111.html> (дата обращения: 13.06.2021).

Иванов Л.О., Ильина Л.В. Пути и судьбы отечественной криминологии. М.: Наука, 1991.

Кон И.С. Словарь по этике. М.: Политиздат, 1981.

Кудрявцев В.Н. Преступность и нравы переходного общества. М.: Гардарики, 2002.

Кузнецов В.Н. Социология безопасности. М.: Изд-во МГУ, 2007.

Минтруд назвал число бедных в России. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5f844dad9a79477f252824a8> (дата обращения: 21.01.2021).

Нерсесянц В.С. Из истории изучения социальных отклонений. В кн.: Социальные отклонения. Введение в общую теорию. М.: Юридическая литература, 1984. С. 23–61.

Пропасть между богатыми и бедными — предвестник катаклизма в США. Российская газета URL: <https://rg.ru/2021/01/20/propast-mezhdu-bogatymi-i-bednymi-predvestnik-katakлизма-v-ssha.html> (дата обращения: 15.05.2021).

Рейтинг стран Европы по уровню безработицы. URL: <https://ria.ru/20210224/bezrabotitsa-1598616781.html> (дата обращения: 21.03.2021).

Сатерленд Э.Х. Являются ли преступления людей в белых воротничках преступлениями. В кн.: Социология преступности. М.: Прогресс, 1966. С. 45–59.

Ткачёв И., Котченко К. Эксперты оценили стоимость активов 500 «сверхбогатых» россиян. URL: <https://www.rbc.ru/economics/10/06/2021/60c0c14f9a79476c014a3263> (дата обращения: 15.06.2021).

Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018.

Что такое Преступление? Значение слова «преступление» в философском словаре. URL: <https://diclist.ru/slovar/filosofskiy/p/prestuplenie.html> (дата обращения: 13.06.2021).

Шипунова Т.В. Девиантология: современные теоретико-методологические проблемы. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2012.

Шулус А.А., Попова Ю.Н. (Ред.). Социальный аудит. М.: АТИСО, 2008.

Ellis D., Whyte D. Redefining criminality: Public attitudes to corporate and individual offending (Briefing 16, July 2016). URL: www.crimeandjustice.org.uk (дата обращения: 14.07.2017).

Glaessner G.-J. Sicherheit in Freiheit. Die Schutzfunktion des demokratischen Staat und die Freiheit der Bürger. Opladen: Leske + Budrich, 2003.

Hess H., Scheerer S. Was ist Kriminalität? Skizze einer konstruktivistischen Kriminalitätstheorie. Kriminologisches Journal, 1997, No. 2, 85–155.

Legnaro A. Sicherheit als hegemoniales Narrativ. Kriminologisches Journal, 2012, No. 10, 47–57.

Merger A. Die Kriminologie: eine systematische Darstellung. München: Vahlen, 1995.

Sack F. Kriminologie in Europa — Europäische Kriminologie? Kriminologie aus deutsche Sicht. In: Günther K., Albrecht H.-J. (Eds.), *kriminologie in europa — europäische kriminologie*. Freiburg i. Br.: MPI, 1994. Bd 71. pp. 8–29.

Stuchtay T.H., Baban C.P. Sicherheitsforschung als Brückenschlag: Sicherheitspolitik und der vermeintliche Widerspruch zwischen objektiver und subjektiver Sicherheit. In: Daase Ch., Engert S., Kolliarakis G. (Eds.), *Politik und Unsicherheit: Strategien in einer sich wandelnden Sicherheitskultur*. Frankfurt am Main: Campus Verlag GmbH, 2014. pp. 49–91.

REFERENCES

Ajdinjan, R.M. (2008). *Traktat o schast'e* [The Treatise on Happiness]. St. Petersburg: Al-etejya.

V Rossii podschitali bezrabotnyh (2021) [Unemployed people were counted in Russia]. Available at: <https://lenta.ru/news/2021/01/21/bezrabot/> (accessed 21 January 2021).

V SShA prodolzhaet rasti uroven' bednosti (2020) [Poverty rates continue to rise in the United States]. Available at: <https://finance.rambler.ru/markets/45032175-v-ssha-pro>

dolzhaet-rasti-uroven-bednosti/ (accessed 11 June 2021).

Golodnyj god: v SShA fiksiruyut rost chisla zhitelej bez deneg na edu (2020) [Hungry year: in the United States record an increase in the number of residents without money for food]. Available at: <https://iz.ru/1106083/kirill-senin/golodnyi-god-v-ssha-fiksiruyut-rost-chisla-zhitelei-bez-deneg-na-edu> (accessed 11 June 2021).

Gusejnov, A.A., Irrlitc, G. (1987). *Kratkaya istoriya etiki* [A brief history of ethics]. Moscow: Mysl'.

Dmitrieva, N.M. (2012). Ob izmenenii eticheskoy nagruzki slov «Prestuplenie» i «Nakazanie» v soznanii nositelej russkogo yazyka [On changing the ethical burden of the words «crime» and «punishment» in the minds of native speakers of Russian]. *Bulletin of the Orenburg State university*, no 11(147), 66–70.

Dobrolyubova, E.I., Yuzhakov, V.N., Pokida, A.N., & Zybunovskaya, N.V. (2020) *Kak i pochemu grazhdane ocenivayut svoyu zashchishhennost' ot kontroliruemyh gosudarstvom riskov* [How and why do citizens assess their protection from state-controlled risks]. *Sociological Studies*, no 7, 70–81.

Znachenie slova PRESTUPAT' v Slovare Dalya (2021) [The meaning of the word «CRIME something» in Dahl's Dictionary]. Available at: <https://slovar.cc/rus/dal/570111.html> (accessed 13 June 2021).

Ivanov, L.O., Il'ina, L.V. (1991). *Puti i sud'by otechestvennoj kriminologii* [Ways and destinies of Russian criminology]. Moscow: Nauka.

Kon, I.S. (1981). *Slovar' po etike* [Ethics Dictionary]. Moscow: Politizdat.

Kudryavcev, V.N. (2002). *Prestupnost' i nrvy perehodnogo obshchestva* [Crime and Mores in a Transitional Society]. Moscow: Gardariki.

Kuznecov, V.N. (2007). *Sociologiya bezopasnosti* [Sociology of security]. Moscow: Izdatel'stvo MGU.

Mintrud nazval chislo bednyh v Rossii (2020) [The Ministry of Labor named the number of poor in Russia]. Available at: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5f844dad9a79477f252824a8> (accessed 21 January 2021).

Nersesyanc, V.S. (1984). Iz istorii izucheniya social'nyh otklonenij [From the history of the study of social deviations]. In *Social'nye otkloneniya. Vvedenie v obshchuyu teoriyu* [Social deviations. Introduction to general theory] (pp. 23–61). Moscow: Iuridicheskaya literatura.

Propast' mezhdru bogatymi i bednymi — predvestnik kataklizma v SShA (2021) [The chasm between rich and poor is a harbinger of a cataclysm in the United States]. Available at: <https://rg.ru/2021/01/20/propast-mezhdru-bogatymi-i-bednymi-predvestnik-kataklizma-v-ssha.html> (accessed 15 May 2021).

Rejting stran Evropy po urovnyu bezraboticy (2021) [European countries ranking by unemployment rate]. Available at: <https://ria.ru/20210224/bezrobotitsa-1598616781.html> (accessed 21 February 2021).

Saterlend, E.H. (1966). Javlyayutsya li prestupleniya lyudej v belyh vorotnichkah prestupleniyami [Are white collar crimes crimes]. In *Sociologiya prestupnosti* [Sociology of crime] (pp. 45–59). Moscow: Progress.

- Tkachyov, I., Kotchenko, K. (2021). *Eksperty ocenili stoimost' aktivov 500 «sverhbogatyh» rossiyan* [Experts have estimated the value of the assets of 500 «super-rich» Russians]. Available at: <https://www.rbc.ru/economics/10/06/2021/60c0c14f9a79476c014a3263> (accessed 15 June 2021).
- Fuco, M. (2018) *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my* [Discipline and Punish. The birth of the prison]. Moscow: Ad Marginem Press.
- Chto takoe Prestuplenie? Znachenie slova «prestuplenie» v filosofskom slovare* (2021) [What is a Crime? The meaning of the word «crime» in the philosophical dictionary]. Available at: <https://diclist.ru/slovar/filosofskiy/p/prestuplenie.html> (accessed 13 June 2021).
- Shipunova, T.V. (2012). *Deviantologiya: sovremennyye teoretiko-metodologicheskie problemy* [Deviantology: Modern Theoretical and methodological problems]. St. Petersburg: Izdatel'stvo S.-Peterb. un-ta.
- Shulus, A.A., Popova, Yu.N. (Eds.) (2008). *Social'nyj audit* [Social audit] Moscow: ATISO.
- Ellis, D., Whyte, D. (2016) *Redefining criminality: Public attitudes to corporate and individual offending (Briefing 16, July 2016)*. Available at: www.crimeandjustice.org.uk (accessed 14 July 2017).
- Glaessner, G.-J. (2003). *Sicherheit in Freiheit. Die Schutzfunktion des demokratischen Staat und die Freiheit der Bürger*. Opladen: Leske + Budrich
- Hess, H., Scheerer, S. (1997) Was ist Kriminalität? Skizze einer konstruktivistischen Kriminalitätstheorie. *Kriminologisches Journal*, no 2, 85–155.
- Legnaro, A. (2012) Sicherheit als hegemoniales Narrativ. *Kriminologisches Journal*, no 10, 47–57.
- Merger, A. (1995) *Die Kriminologie: eine systematische Darstellung*. München: Vahlen, 1995.
- Sack, F. (1994) Kriminologie in Europa — Europäische Kriminologie? Kriminologie aus deutsche Sicht. In K. Günther & H.-J. Albrecht (Eds.), *Kriminologie in Europa — Europäische Kriminologie* (pp. 8–29). Freiburg i. Br.: MPI, Bd 71.
- Stuchtay, T.H., Baban, C.P. (2014) Sicherheitsforschung als Brückenschlag: Sicherheitspolitik und der vermeintliche Widerspruch zwischen objektiver und subjektiver Sicherheit. In Ch. Daase, S. Engert & G. Kolliarakis (Eds.), *Politik und Unsicherheit: Strategien in einer sich wandelnden Sicherheitskultur* (pp. 49–91). Frankfurt am Main: Campus Verlag GmbH.